

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ НУМИНОЗНОГО

На основе феноменологической концепции священного — нуминозного Р. Отто рассмотрено развитие смыслов нуминозного в современной культуре в условиях пандемии. Специфика священного с его основанием в нуминозном, как она представлена у Р. Отто, исследуется в качестве методологии осмысления эмпирики пандемии. Обращение к эмпирическому срезу подводит к выявлению трансформаций в феноменологическом статусе нуминозного. Отмечено, что религиозное переживание человека начала XX в. и религиозное переживание современного человека имеет определенные отличия, связанные с развитием секулярной культуры. Мысль Р. Отто о реальности нуминозного, понимаемого как Божественное волеизъявление непостижимого трансцендентного объекта, чьи интенции во многом детерминируют жизнь человека, представлены в корреляте с интенциональностью вызова, брошенного человечеству пандемией. При этом отмечается определенная редукция компонентов переживания нуминозного современным человеком.

Ключевые слова: нуминозное, сакральное, трансцендентный, интенциональность, пандемия, ценность, вирус, картина мира.

Нуминозное, понимаемое как божественное волеизъявление, прочно вошло в феноменологию религии, получив концептуальную экспликацию у Р. Отто, определившего нуминозное как человеческое переживание реальности, объективно существующей, но невыразимой средствами рационального познания [1]. Любое волеизъявление представляет собой коммуникативное намерение и воздействие на коммуниканта. Интенции божественной воли вызывают трепет и ужас.

Категория нуминозного выражает отношения субъекта и чувствуемого им на пороге тайны божественного священного объекта. Отношения субъекта с трансцендентным объектом пребывают в развитии, что обусловлено не столько познавательными интенциями субъекта, сколько интенциями самого трансцендентного божественного объекта. Реальность интенций священного, божественного дает о себе знать рождением в субъекте чувства тварности, в частности чувства тварной зависимости от нуминозного, неполноты и недостаточности собственного существования вне священного нуминозного объекта. Возникнув как чувство тварной неполноты и зависимости, чувство священного (нуминозного) переходит в стадию переживания тайны, повергающей субъекта в трепет — *Mysterium tremendum*. В этом священном трепете перед неведомой божественной силой есть момент ужасающего, включающего в свой диапазон древний демонический ужас перед силами Рока, и развитие этого чувства вплоть до всеобъемлющей христианской благодатной любви и доверия к высшим силам. При этом субъект продолжает переживать свою тварную зависи-

INTENTIONALITY OF NUMINOUS

On the basis of the phenomenological concept of the sacred-numinous R. Otto, the development of the meanings of numinous in modern culture in the context of a pandemic is considered. The specificity of the sacred with its foundation in the numinous, as presented by R. Otto, is studied as a methodology for comprehending the empiricism of a pandemic. An appeal to the empirical cut leads to the identification of transformations in the phenomenological status of the numinous. It is noted that the religious experience of a person at the beginning of the 20th century and the religious experience of the modern man has certain differences associated with the development of secular culture. R. Otto's thought about the reality of the numinous, understood as the Divine expression of the will of an incomprehensible transcendental object, whose intentions largely determine human life, are presented in correlation with the intentionality of the challenge thrown to humanity by the pandemic. At the same time, a certain reduction of the components of the experience of the numinous by the modern man is noted.

Keywords: numinous, the sacred, transcendent, intentionality, pandemic, value, virus, picture of the world.

мость от нуминозного в оппозиции с чувством признания его Всемогущего характера. Чем величественнее нуминозное (*majestas*), тем более ничтоен и ничтожен субъект. Он постигает в моменты своей связи с нуминозным, что всё, что ни содеяно в мире — содеяно высшей сущностью, и даже то, что содеяно человеком, есть результат деяний самого Сущего, но не человека. Подтверждение данного понимания смысла оппозиции «тварь — Творец» Р. Отто находит во всех религиях.

Трепет и ощущение величия Творца сопровождаются большим количеством энергии. Вероятно, именно здесь можно усмотреть феномен синергии, называемый в русской религиозной традиции соработничеством с Богом, представленный в восточном и западном христианстве как опыт пустынножизни, способствующий достижению новых онтологических горизонтов [2, с. 68]. Интенциональность трансцендентного объекта проявляется в его стремлении к деянию. Всё, что переживает тварь, есть результат беспokoящихся энергий Абсолюта. Кроме того, в чувстве нуминозного проявляется *mysterium* — проживание тайны божественного присутствия как иного по отношению к обыденной жизни.

Mysterium tremendum — переживание тайны, повергающей в трепет, чувство глубокого ужаса, есть ступенька к чувству восхищения — *Fascinans*, восторга перед Божественным. Это восхищение известно с древнейших времен, проживание его имеет место и в современных религиозных практиках, оно вызвано нуминозной силой, которой верующий стремится наполниться в своем общении, соработничестве

с Божественным. Восхищение бывает настолько велико, что обычные человеческие чувства любви, умиления, благодарности меркнут перед ним. В этом восхищении есть экзальтация, экстаз, слияние с нуминозным, растворение в нем. Это состояние, будучи вполне субъективным, представлено в свидетельствах великих пророков и основателей разных религий. Например: «И буду радоваться об Иерусалиме и веселиться о народе Моем; и не услышится в нем более голос плача и голос вопля» [Ис. 65:19]. Бог являл иудеям не только ревность и готовность к наказанию, повергая их в скорби и ужас, но восхищал их своим величием. Именно восхищение, а не состояние ужаса открывает следующую ступеньку в развитии религиозного чувства — проживание ценности священного, нуминозного — *Sanctum alsnuminoser*. Священное становится таковым через всю полноту переживаний: в нем есть и чувство тварной недостаточности, и переживание неизмеримого величия трансцендентного объекта, и собственной ничтожности, и энергийного наполнения, и восхищения величием, а в завершение приходит чувство ценности всего пережитого. Полагаем, именно поэтому религиозное переживание определяет сакральное ядро как культуры в целом, так и отдельных культур в частности. Переживание нуминозного как сложного состояния, включающего чувство тварной зависимости, тайны, повергающей в трепет, восхищения его величием, ценности священного определяет механизм идеалообразования и питает определившиеся идеалы, которые бывают настолько прочными, что переживают процессы трансформации и ветшания религиозных систем, определяя этос этносов, становясь их культурным кодом [3].

В концепции Р. Отто обычно трактуемой с позиций феноменологии религии, поскольку в ней раскрывается понимание феномена человеческого сознания в процессе проживания им религиозного опыта, обычно подчеркивается *Mysterium tremendum*. Однако и положения концепции, и иллюстрирующие ее сакральные, художественные тексты поэтов и мистиков не позволяют свести основы религиозности к проживанию ужасной тайны, повергающей в трепет. Не стоит забывать о *Fascinans* (восхищении величием) и о *Sanctum alsnuminoser* (чувстве ценности священного) как итоге эмоциональной рефлексии. В целом Р. Отто представил вполне сложившийся и убедительный дискурс, раскрывающий понимание религиозности на основе безусловного признания идеи трансцендентного Бога, являющегося воплощением категорий священного и ужасного. Он непостижим, таинствен, всемогущ; он есть тайна, повергающая в трепет; он вызывает демонический ужас и восхищенное благоговение. Трансцендентность, внеположенность объекта интенционально детерминирует переживание субъектом чувства себя и угадываемого им объекта.

Книга Р. Отто «Священное» вышла в 1917 г. Актуальность темы священного — нуминозного в то время во многом была обусловлена социальными катаклизмами, утратой веры в возможность разумных человеческих действий, чувством потерянности перед иррациональными силами. Речь шла о потерянных поколениях [4], утративших веру в жизнь и силы жить [5]. Возрождалась идея ветхозаветного гневного ревнивого трансцендентного Бога. Благополучно внес

существенный вклад в феноменологию религии в частности, в онтологию и гносеологию религии в целом, категории нуминозного и священного стали опознавательным знаком феноменологов, вступивших в полемику с И. Кантом, Э. Гуссерлем, М. Шелером [6, с. 71].

С тех пор человечество пережило и осмыслило две мировых войны, Чернобыль, а также целый ряд техногенных катастроф, грозящих самоуничтожением. Тема нуминозного выглядела вполне и исчерпывающе завершенной для прагматики и, казалось, представляла интерес исключительно для специалистов-теоретиков. Истоки религиозности и ее сущностные характеристики полагались достаточно определенными, полемическое поле было вполне очерчено, и темы священного и нуминозного могли, казалось, спокойно перейти на скрижали истории философии, указывая на путь становления феноменологии религии. Действительно, понятия нуминозного и священного, так или иначе, переключаются с осмыслением и разграничением сакрального и профанного в трудах М. Элиаде, в его рассмотрении иерофаней, кратофаней и манна [7]. Всё это представляет хотя и явленное, но таинственное, величественное, повергающее в трепет, непостижимое, т. е. нуминозное, и всё это уже история философии религии.

Однако, на наш взгляд, в XXI в. тема нуминозного вышла за пределы философии. Дискурс нуминозного в явных и имплицитных формах имел место в массовой культуре конца XX — начала XXI в., в частности, в жанрах хоррор и фэнтези. Весь мир смотрел «Властелина колец» и «Гарри Поттера», погружаясь в выдуманные миры Дж. Толкиена и Дж. Роулинг с их борьбой тьмы и света, жизни и смерти. Эти и иные (например, Дж. Мартина) выдуманные миры сосуществовали параллельно действительным мирам оранжевых революций, стирающих с карты мира целые государства, мирам массовых миграций с лагерями беженцев, локальными войнами, террористическими атаками, техногенными катастрофами. Однако все кризисы культуры, пограничные ситуации, грозящие антропогенной катастрофой, носили хотя и чрезвычайно опасный для человечества, но дискретный и, казалось, управляемый людьми характер. Локальные войны уживались с рекламой гламурной жизни, кризисы стали привычной частью повседневности. Появились даже защитные эскапистские практики: можно было убежать в придуманный виртуальный мир, в мир игры, творчества, научного поиска, в саморазвитие, пересоздание себя, в массу разнообразных хобби. Понимание кризиса культуры и социальной жизни, осуществления экологической катастрофы, неуклонных шагов в сторону антропогенной катастрофы — всё это, хотя и пугало, но стало привычным и отбрасывалось сознанием, не сплывая людей и не ведя их к какому-либо ответному действию. Жизнь шла своим чередом. Каждый знал о неизбежности своего собственного конца света, но мало кто предпринимал действия в отношении возможного, при таком течении дел, общего для всех конца света.

Бедствие же пандемии оказалось вселенским, всеобщим, поставив под удар возможность выживания человека как биологического и культурного вида. Оно угрожает самой родовой сущности человека, не оставив никого из людей

в стороне. Перед вирусом, как перед Богом, оказались равно умалены и беззащитны все. Пандемия явилась общечеловеческой, вселенской реальностью. Covid-19 — это нечто объективно существующее абсолютно для каждого человека в нашем наличном бытии ежедневно и всечасно как результат не всегда видимых, ведомых и неподвластных человеку сил. Это вызов нашего времени всему человечеству, это нуминозное, проросшее в нашей вполне секулярной культуре.

Полагаем, что сегодня тема нуминозного уже не выглядит опознавательным маркером феноменолога, но актуальна и в современной культуре: философской, художественной, научной, бытовой. Нуминозное сегодня — это постановка вопроса не только о религиозном опыте, но об опыте отношения современного человека к миру: природе, культуре, обществу. В этом отношении находят развитие те или иные аспекты нуминозного. Таким образом, обращение к категории нуминозного — необходимый отзыв на вызов, брошенный временем.

Не берем на себя смелость сказать, что в современной действительности тотально имеет место божественное волеизъявление с его *Mysterium tremendum* или, по крайней мере, с глубоко переживаемым чувством тварности. Тем не менее первая четверть XXI в. как никогда требует от человека испытать чувство тварности, зависимости, осознать собственную неполноту и недостаточность [1] в связи с пандемией Covid-19. Громы побед над эпидемиями чумы, холеры, испанки давно смолкли. К СПИДУ привыкли, научились с ним сосуществовать. Но испытания не закончились: человечество погрузилось в новую неожиданную и непредсказуемую в своем развитии реальность. Скоро год как идет испытание на прочность человеческого тела, души, духа. Вирус перевернул сложившиеся представления об оптимальности и целесообразности целого ряда культурных практик и ценностей повседневной жизни. Казалось бы, ситуация с Covid-19 вполне вписывается в представление о естественно-научной картине мира. Все агенты ее неизменности и изменений выявлены, названы, объяснены с научно-практической точки зрения, однако противник по-прежнему непонятен и непобедим. Не есть ли это признак того, что за проявлениями реальности, которые можно трактовать рациональными ясными понятиями стоит нуминозное Нечто [1], неподвластное рациональному объяснению?

Реальность пандемии сняла вопрос об исчерпанности онтогносеологической проблематики, мало того, как никогда стали актуальны вопросы философии религии, особенно ее онтологии и феноменологии. Время современной культуры вполне определенно вопрошает не только теоретических концептов, но требует прагматических разрешений во всех сферах культурного универсума. Философия религии не стоит здесь особняком. Как и философская антропология, и философия культуры, философия религии обращена к осмыслению оснований феноменов человеческого бытия и культуры. Категория нуминозного, этимологически восходя к *nūmen* — божеству, Кантовскому «ноумен» — вещи в себе продолжает расширять ареал своих смыслов, указывая на наличие в жизни непостижимого, неизреченного, неведомого. Нуминозное перестает быть категорией, раскрывающей

исключительно феномены религиозного опыта, так как у человечества в целом и в частности у каждого отдельного индивида, независимо от его признания или непризнания наличия трансцендентного Бога, случилась незапланированная встреча с нуминозным. В связи с этим целесообразно рассмотреть, сохранились ли те интенции нуминозного, которые столь досконально эксплицированы у Р. Отто. Актуализированы ли в современном человеке острое чувство тварной недостаточности, чувство тайны, повергающей в трепет, восхищение божественной мощью, чувство сакральной ценности нуминозного объекта?

Не претендуя на полноту обзора эмпирического материала, отметим, что толчком к настоящей рефлексии явились для нас трансляция позиций эпидемиологов, практикующих врачей, религиозных и государственных деятелей, журналистов, а также мониторинг ситуации в средствах массовой информации в течение полугодия переживания пандемии. Итак, вызвало ли всемирное бедствие, вполне очевидно представляющее смертельную угрозу, практически для каждого человека, чувство тварной недостаточности, ничтожности, мизерности себя перед лицом неведомых сил?

Отдельные случаи паники, неправомерных действий граждан имели место, но в целом люди повели себя вполне рационально. Во всем мире были усилены меры предосторожности: гигиена, карантин, дистантные формы труда, обучения, отдыха. Но главное, с первого момента опасности начался поиск вакцины и апробация технологий лечения уже имеющимися средствами. Таким образом, отношение к Covid-19 сложно назвать чувством тварной зависимости. Скорее, современный человек расширил и уточнил свои представления о естественно-научной картине мира, которая оказалась гораздо сложнее, в чем-то непредсказуемее, а в чем-то онтологически определеннее, чем это казалось раньше. В частности, человеку пришлось признать силу вируса, неизменность его наличного бытия, его неуловимую изменчивость, невозможность его вытеснения из бытия и необходимость искать точки динамического равновесия для возможности гармонического сосуществования модусов культурного и природного бытия. Большая нагрузка при этом уже легла на модус общества, но следует заметить, что общество в целом оказалось готовым к испытанию на прочность: дети учатся, пожилые и старые люди стали предметом особого внимания, трудовая деятельность осуществляется, экономика пребывает на приемлемом уровне. Тяготы самоизоляции, карантина, дистантной деятельности вызвали к жизни множество фольклорных произведений малых жанров словесных, музыкальных, изобразительных, которые говорили как о стойкости, так и о легкомыслии людей перед лицом бедствия. Разумеется, не всё оптимистично: проживается горе потери близких, тревога за детей и стариков, ежечасно существует опасность инфицирования. Понимается тотальный характер испытания. Но есть жизнь, работа, вера в то, что противоядие будет найдено.

В целом можно отметить редукцию чувства тварной зависимости от неведомого. Понимая тварную недостаточность, современный человек не чувствует себя «тварью дрожащей», но использует свое право на противостояние вызову природы. Это автоматически редуцирует

и *Mysterium tremendum* — чувство тайны, повергающей в трепет. Будучи крайне интенциональным (какой еще и быть инфекции), вирус, при всей своей силе, не является для науки, да и для практики абсолютной тайной. Известно его происхождение, характер распространения. Это — враг, отношение к которому вполне рационально: надо бороться. И всё-таки при этом имеет место и ужасающее. Например, случаи, когда молодые врачи, не будучи обеспечены необходимыми средствами, впадали в отчаяние бессилия. Имеет место и всемогущее: весь мир наблюдал за реакцией на Covid-19 итальянцев и испанцев — самых жизнелюбивших и общительных южных европейцев. Они дольше других отталкивали от себя саму мысль об опасности, не желая принимать карантинные меры. Однако всемогущий вирус заставил признать себя, по крайней мере, изменить отношение к социальной дистанции.

Безусловно, можно отметить наличие энергийного. Произошел целый ряд перезагрузок в культурной и социальной сферах. Уже не футурологи [8, с. 322–326], но сама действительность представляет новые дистантные технологии во всех сферах человеческой деятельности: в обучении, экскурсионных, театральных, музыкальных, музейных и иных культурных практиках. Это и многое другое оказалось возможным осуществлять дистантно. При этом вполне определенно какая-то энергия сохраняется и вкладывается в результат дела. Например, экономится время на дорогу. Появляется больше времени на семейную жизнь, общение с детьми. Но возникло и много издержек: частная бытовая жизнь оказалась не настолько упорядоченной, чтобы выдерживать длительные карантинные. Люди крайне устали от самоизоляции, от дистантов всех видов. В этой точке энергийных перезагрузок возникает чувство ценности культуры как результата культуротворчества, коммуникации в целом и сложившихся культурных практик в частности. Осознается чувство ценности человеческих отношений и человеческой жизни, повседневности и героизма, ценности любого человеческого возраста. Это, вероятно, далеко от *Sanctum alsnuminoser P. Отто*, ибо это ценности рациональные и определяемые вполне рационально.

Полагаем, что в переживании бедствия, соотносимого с ветхозаветными катаклизмами, современный человек являет себя преимущественно как обмирщенный секулярным субъект. Однако в человеческом сообществе имеет место не только обмирщение сознания, но также его подлинно религиозное проявление и объективация религиозной жизни через воцерковление. В периоды бедствий верующие склоняют слух к голосу пастырей, чье отношение к пандемии представляет особый интерес. Рассмотрим совокупно позиции лидеров христианских церквей разных конфессий.

Во-первых, имеет место обнаружение аналогий с ветхозаветными катастрофами [Быт. 6:17] и указание на инобытийный, нуминозный абстрактный источник бедствия: Бога и Сатану.

Во-вторых, лидеры всех уровней от Митрополита Кирилла и Папы Франциска I до баптистских проповедников на телевидении явили солидарность карантинным мерам по предупреждению распространения Covid-19, предприня-

тым правительствами всех стран. В данном случае имеет место симфония двух властей: государственной власти и власти от Бога.

В-третьих, конфессиональные лидеры транслируют социально-гигиенические предписания, необходимые к исполнению, дабы не подвергнуть себя и близких инфекции. Советы в отношении повседневной практики митрополита Иллариона числом 10 исполнены заботы и здравого смысла [9]. Проявлена готовность к временному закрытию ряда церквей и мечетей. Присутствует обращение к истории христианства и ислама в периоды эпидемий, когда молитва практиковалась не в соборном варианте, а в одиночестве. Подчеркивается не обрядовая, а духовная сторона религии.

В-четвертых, лидеры осуществляют катехизацию — прояснение основ вероучения. Православные и католические священники проясняют ситуацию с пониманием святых даров [9], лидеры ислама говорят о необходимости выбора правильной дороги — в гармонии с природой [10]. Правда, просматривается двойственное отношение: с одной стороны, дары не могут по определению быть разносчиком инфекции, с другой стороны, церковь готова без проблем перейти на разовые ложечки для причащающихся. Лекции А. И. Осипова стали еще более страстными, не без указания на бесовские основания пандемии. При этом все религиозные лидеры учат практикам спокойного стоического настроя на проживание испытаний.

Таким образом, в современной религиозной позиции представлены ценности как сакрального, так и профанного. За всем происходящим угадывается нуминозное непостижимое Нечто, сопряженное с вполне рациональными научно-практическими представлениями. Нечто понимается как идея христианского Бога — абсолютной личности, которая есть — Любовь. Как образ всемилостивейшего Аллаха. Испытания даны для их преодоления и духовного укрепления человека. А преодоление бедствия возможно на основании научно-практических действий.

Религиозная общность может быть по-разному организована в разных религиях. Церковь в христианстве представляет собой наиболее развитый религиозный институт, выстраивает взаимоотношения с государственно-правовыми общественными институтами, образованием, культурой, наукой. В исламе институционализация религии сопряжена с государственно-правовой институциональностью. Религиозные общины в неортодоксальных религиозных направлениях отличаются особой приверженностью ее членов догматике и строгостью в выполнении предписаний. В любом случае организационные формы определяют субъектностную прочность религии, начиная от архетипической оппозиции «пастырь — паства», до более сложных организационных форм монашеского ордена, будь то буддийская сангха, орден иезуитов или суфийские ордена. Однако все организационные конфессиональные различия в данном случае оказались несущественными в силу необходимости соединения усилий разума, воли и чувства человека в деянии преодоления интенций нуминозного, не трансцендентного, но вполне чувственно постижимого объекта, общей для человечества опасности — вируса.

1. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным // LIBKING : [сайт]. URL: <https://libking.ru/books/sci/sci-philosophy/376168-rudolf-otto-svyashchennoe.html> (дата обращения: 23.09.2020).

2. Хоружий С. С. Синергичная антропология. Томские лекции // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 1 (2). С. 54–88.

3. Букина Н. В. Культурный код как язык культуры // Вестн. ЧитГУ // Cyberleninka : [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-kod-kak-yazyk-kultury/viewer> (дата обращения: 23.09.2020).

4. Ремарк Э. М. Время жить и время умирать // Ремарк Э. М. Собрание сочинений : в 11 т. М. : ВИТА-ЦЕНТР, 1992. Т. 6. 320 с.

5. Фолкнер У. Избранные произведения : в 3 т. Т. 1. По ту сторону рая. М. : Художественная литература, 1977. С. 31–284.

6. Пылаев М. А. Философия религии в феноменологии Рудольфа Отто // Вестн. ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2011. Вып. 6 (38). С. 59–74.

7. Забияко А. П. Сакральное как категория феноменологии религии М. Элиаде // Мирча Элиаде : [сайт]. URL: <http://eliade.upelsinka.com/cr3.htm> (дата обращения: 23.09.2020).

8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2002. 776 с.

9. Яковлева Е. Митрополит Иларион: С коронавирусом лучше перестраховаться, чем недооценить степень угрозы // Российская газета. Федеральный выпуск. 2020. № 59 (8113). 18 марта. URL: <https://rg.ru/2020/03/17/mitropolit-ilarion-s-koronavirusom-luchshe-perestrahovatsia-chem-nedoocenit.html> (дата обращения: 23.09.2020).

10. Духовные лидеры ислама и православия Татарстана призвали верующих бороться с коронавирусом // YouTube : [видеохостинг]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=abDNmf8uisw> (дата обращения: 23.09.2020).

© Нефёдова Л. К., 2020

УДК 130.2

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-37-40

ТИПЫ ВЛАСТИ И МОДЕРНИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА

В статье показано, что азиатская (японская) модернизация оказалась вызовом для европейской, этот вызов породил диверсификацию заводов, изменение системы свободного времени, а в настоящее время — обращение к концепции эмоционального интеллекта. Разъясняется на основании анализа различия обществ и модернизаций, почему азиатские новации не переносятся на европейскую и американскую почву, а также описывается проектирование новых способов подготовки лидеров и активных работников.

Ключевые слова: типы модернизации, азиатская модернизация, кружки качества, система канбан, сети власти и коммуникации.

Сопоставление типов модернизации показывает, что в Азии этот процесс идет иначе, чем в Европе, причем азиатская и, в частности, японская модернизация существенно влияют на американскую, что особенно наглядно представлено в феномене японского экономического чуда 1955–1975 гг.

Прояснение того, чем именно различаются модернизации и почему они не переносятся на другую почву, показывает концепция М. Манна [1, с. 18], разделяющего сети четырех типов власти. Эта модель делает видимыми ошибки догоняющей стороны.

Концепция сетей власти позволяет по-новому посмотреть на модернизацию вообще и сделать вывод, что планирование стратегии модернизации требует привязки оной к национальной и локальной традиции места внедрения, причем модернизация должна вырабатываться в точках

TYPES OF AUTHORITY AND MODERNIZATION IN HUMAN FORMATION

The article shows that the Asian (Japanese) modernization turned out to be a challenge for the European one, this challenge gave rise to the diversification of factories, a change in the system of free time, and nowadays — an appeal to the concept of emotional intelligence. It is explained on the basis of an analysis of the differences between societies and modernizations, why Asian innovations are not transferred to European and American soil, and the author also describes the design of new methods of training leaders and active workers.

Keywords: types of modernization, Asian modernization, quality circles, the system of Kanban, network of authority and communication.

пересечения сетей власти, путем создания новых «ячеек сети», из которых произрастают уже адаптированные к местным условиям проекты.

Это требует по-новому подойти к подготовке кадров к такому типу модернизации, в том числе русского типа.

1. Япония и Америка: сопоставление типов модернизации

Азиатская модернизация, с антропологической стороны, опирается на высококвалифицированного работника, а с культурной — на «западную технику, японский дух». Японский рабочий в этой модернизации выступает источником новаций, технических и организационных. Японская модернизация идет не только сверху, но и снизу.

Американская модернизация идет сверху, от инженера и капиталиста, при низкоквалифицированном рабочем. При

И. В. Николин
I. V. Nikolin